

Часть II

Глава 1

Таня Писаревская

Восьмилетняя Таня Писаревская, приехавшая в Оханск вместе с Верой Шторц, попала в другой детский дом - №3. Здесь их ждали три воспитательницы: Евдокия Павловна Старкова (после замужества-Загребаева), Фаина Ивановна Загребаева (после замужества-Кондрашова) и Вера Степановна Филимонова. Вместе с Тоней Марфуткиной, Ниной Ждановой, Ниной Мацановой Таня пошла в первый класс к учительнице Валентине Павловне Казаковой, о которой впоследствии очень тепло вспоминала. Их, первоклашек, было 49 (два класса). Старших, которые пошли в четвертый класс, – 20.

В отличие от Веры Таня не могла в воспитателях найти родственную для себя душу. Ее маленькое сердце, успевшее познать и горе, и обиды, не тянулось ни к кому, оно сжалось, закаменело, и, казалось, осталась в нем лишь тоска о родных людях, которые, Таня не знала, были ли живы. Детская память цепко удерживала воспоминания прежней, такой счастливой жизни с мамой и папой на маленьком, всего в 12 домов, хуторе Камневе Запорожской области, утопающем в садах. Отец работал кузнецом в станице Елисеевке, и маленькая Таня носила ему обеды за 3,5 километра. Обратно она бежала через степь, вдыхая полной грудью запахи трав и нагретой солнцем земли. Мама была дома, ведь в их семье росло шестеро детей. Но если б только это помнила девочка! То, что пришлось ей увидеть и познать в скором времени, леденило душу своей жестокостью и страшной безысходностью. Плакать? Не хватало слез, чтобы выплакать то горе и те лишения, которые ей пришлось пережить.

Из воспоминаний Т.И.Писаревской: «...Ночью пришла машина, побросали наши узлы, забрав нас всех: Ваню, Сашу, Наташу, Аню, меня, Тоню и маму (отца забрали раньше). Привезли в какой-то двор, где мы с другими семьями сидели, нас никуда не выпускали, очень хотелось есть. Не помню, сколько мы там пробыли, потом нас ночью привезли на станцию, погрузили в товарные вагоны, и поезд тронулся (с нами там был и отец). Двери и окошечки в вагонах закрывались на замки, было темно, душно. Останавливались не в населенных пунктах. Нас выпускали из вагонов, чтобы вынести нечистоты и набрать чистую воду. Долго ехали. Наконец, привезли и высадили нас под открытое небо, а на улице осень, холодно. Поезд ушел. Наши отцы подвели вагонетки, усадив на них свои семьи, сложив узлы, и толкали их по узкоколейке, пока она не закончи-

лась. Тотчас же пришел паровозик и увез пустые вагонетки, а мы остались на лужайке в лесу. Кругом были непроходимые болота. Отцы, вооружившись шестами, чтобы пройти по болоту, ушли искать участок Северный. Вернувшись, они перенесли вещи и детей. На участке стояла пара старых бараков, где жили люди, для нас там мест уже не было. Устроились кое-как на чердаке. Крыши были худые, шли постоянно дожди, и везде протекало. Ночью подставляли под струи воды все, что было можно. Днем выходили готовить пищу. Народу было много. Горели небольшие костры, пни служили вместо столов, пахло испеченной селедкой и заварухой из муки... Вскоре наших отцов угнали достраивать дома на участке Лыкинский, куда впоследствии перебрались и семьи. Дверей у нас в доме не было, и весили одеяло. С нами жила еще семья, в ней было 12 детей. Они спали на полу, а мы – на печке. С краю ложился отец, под подушку он клал топор. Как-то ночью слышались шаги, и кто-то зашел в дом, пригляделись: это был медведь. Он обнюхал спящих и вышел, никого не потрогав. Сразу за домами были болота. Я не знала, где работали взрослые, только близко около нашего дома был вырыт ров, куда спускали умерших. Когда началась зима, ко рву везли все больше и больше мертвых. Никаких гробов не было, засыпали просто землей, а на следующий день складывали новых... Люди гибли на лесоповалах, слабея от голода, гибли и от болезней. Так заболел и умер мой одиннадцатилетний брат Саша. Потом заболела я натуральной оспой. Вся сильно опухла и была в черных пятнах. Меня поместили в барак-изолятор. Мама работала няней в изоляторе, я лежала около печки - буржуйки. В этом бараке было много детей, из всех выжила только я одна... Вскоре нас с младшей сестрой Тоней (ей было три годика) поместили в детский садик, то есть в отдельный барак, где таких, как мы, было очень много. Нас кормили. А спали мы на нарах с перегородками для каждого ребенка. Матрасы были набиты мхом и сухой листвой, одеялки маленькие, байковые. Стояли железные буржуйки, но было очень холодно. Ночью, когда уходили взрослые, Тоня просилась ко мне, чтобы согреться, и мы вместе засыпали, но за это нас наказывали и даже били. Вскоре Тоня заболела, я не знала, когда ее унесли в изолятор, больше я ее никогда не видела. К нам не подпускали родных, но раз утром, когда мы гуляли, я увидела, что мимо ведут людей, среди них были мама и старший брат Ваня, они мне помахали рукой, и их я тоже больше никогда не видела. Как и отца. Вскоре какая-то женщина (позже я узнала, что это была моя тетя, она хотела спасти свою маленькую племянницу) куда-то повела меня. Я была очень слабая. Шли мы лесной дорогой, усталой по болоту бревнами. Где попадались сухие полянки, она усаживала меня на свой

жакет, уходила и приносила ягоды перезимованной клюквы и съедобную траву. Кормила меня этим, и мы шли дальше, хлеба у нас не было. Наконец, мы пришли в поселок Сосьва. Как она ушла и меня оставила – не помню, так я оказалась в детском доме. И никого своих – на долгие, долгие годы...

Наш детский дом располагался недалеко от реки Сосьвы. Однажды, когда нас повели купаться, девочка постарше нас сказала, что она сейчас утопится. Мы были слишком малы, чтобы вникнуть в ее слова. Но когда мы покупались, вышли на берег и оделись, одна кучка белья осталась лежать на песке. Это меня потрясло.

Вскоре я заболела. Ноги ломило от боли, я не могла ходить. Меня положили в изолятор, но там было очень холодно, боль в ногах только усиливалась, я кричала, потому что уже не могла терпеть. Мне бы не выжить, но была добрая нянечка, звали ее Лушой, ночью, когда все уходило, она брала меня и укладывала на русскую печь, там я согревалась и засыпала, а рано утром она возвращала меня в постель.

Потом нас увезли в детский дом города Тувимска Свердловской области. Это был не детский дом, а ад. Жили мы в голоде, холоде и каком-то страхе. Весной, летом, осенью из белья на нас было только платье, надетое на голое тельце. Наголо остриженные, босые, грязные, мы копались в помойке столовой «золотопромышленников», как звали ее в городе (вероятно, там питались рабочие с золотых приисков). Из мочной по цементному желобу сливали помои, в них можно было найти остатки пищи: вермишели, каши, головы селедки, картофельные очистки. Мы это все выбирали в подолаы своих платьев и съедали. Весной у домов, где мы жили, съедали всю траву, за это нас наказывали. Летом уходили в лес, чтобы хоть чем-нибудь набить свои голодные желудки. Кислица, лопух, молочай – все шло в пищу. У нас были и чесотка, и пиодермия, и дизентерия. Голодных, а порой и больных нас уводили на прополку полей. Нормы прополки были большие, трава высокая, нас среди нее не было видно. Если пололи картофель, то часто подрывали куст и ели тут же, сырыми, молодые клубни. Как выжили, не знаю. Но уже тогда мы для себя четко уяснили: нам никто не должен и не обязан.

...Однажды нас всех собрали и повели каким-то полем к железной дороге. Как мы ехали, не помню. Высадили в городе Надеждинске (ныне - Серове), а потом опять повезли, теперь, как нам сказали, в Оханск. Вез нас туда Георгий Иванович Попов. Запомнился нам, потому что был молодой, высокий, красивый, с волнистыми волосами. В дороге нас кормили. Ехали мы поездом, пароходом. Не было ни слез, ни шума. Мы уже смирились со всем. Часто пели песни, которые знали».

Всех прибывших собрали и рассказали им о требованиях в детском доме, отметили: все, что было раньше, теперь не должно быть. Затем на всеобщее обсуждение было поставлено поведение некоторых ребят до приезда в Оханск. И речь зашла о Грише Костенкове. Ему грозила детская колония за все его проделки, а в основном – за кражи. Но Таня знала, что он был очень добр к малышам. Когда ехали, он выбегал на товарных станциях из вагона, доставал, точнее – воровал что-нибудь из съестного, а ночью заглядывал к малышам и всю свою добычу раздавал им.

Воспитанники зашумели:

- Раз ворует – отправить его в колонию!

Вопрос поставили на голосование. Решение складывалось единым. И руки готовы были уже взметнуться, чтобы проголосовать за него, когда вдруг раздался тоненький, но звонкий голосок:

- Ребята, поверьте Гришке! Он больше не будет! Он исправится, вот увидите!

И маленький мальчик, а это был младший брат Гриши, горько заплакал.

В комнате, где шло собрание, стало тихо. В пылу обличения порока, негодования дети, решив изгнать из своего коллектива подростка, забыли, что у него есть младший братишка. Исключение Гриши из детдома значило разлуку навсегда двух родных людей – братьев. А детдомовцы, всегда тосковавшие по семье, очень хорошо понимали, что значит родной человек. И ни у кого не поднялась рука за исключение Гриши. А мальчишка с того дня взялся за ум. Может быть, он в свои четырнадцать лет впервые в те минуты, когда товарищи готовы были осудить его, понял, ощутил всем сердцем, как дорог ему этот, назойливый порой, с голоском-звоночком мальчишка – его младший брат, и как страшно потерять его из-за своей глупости, необузданности. Не пришлось жалеть и коллективу детдома о своем решении. Григорий Костенков вырос хорошим парнем. После семилетки направлен был в ФЗУ на «Уралмаш» в Свердловск. В Великую Отечественную войну погиб, защищая Родину.

А это собрание, этот голосок маленького, ставшего вдруг смелым Гришиного братишки на всю жизнь запомнились Тане. С того времени в девочке росла, крепла надежда, что у нее есть где-нибудь брат или сестра, и они когда-нибудь встретятся. И надежда эта оправдалась, только... через 30 лет. Татьяна Ивановна Писаревская, бывшая воспитанница Оханского детского дома, участница Великой Отечественной войны, воспитатель, заменившая сотням детдомовских детей, оставшимся без родителей, мать, сама ставшая матерью, нашла своих старших сестер Анну и Наталью. Но это уже было в ее взрослой жизни.

Глава 2

Шокальские

Александр Шокальский пронес с собой скрипку через длинную-длинную дорогу от Белоруссии до затерянного в лесах и болотах маленького поселка Шордын. Да и поселком эту, едва различимую точку на карте Пермской области в северной ее части - Гаинском районе, куда привезли в начале тридцатых годов репрессированных, наверное, трудно было тогда назвать. «Гиблое место», - говорили местные жители о Шордыне. Какие надежды вкладывал он в свой музыкальный инструмент? Что его, известного на белорусской сцене музыканта, услышат здесь? Или он верил, что они выживут, и он будет играть для своей семьи? Для своих пятерых таких чудесных детей? Он гордился своими детьми, жалел жену, которая всю дорогу не спускала с рук самую младшую, по сути – младенца. Но фамильная гордость была выше всего, от нее и непокорный характер, и всегда свое мнение, в том числе и на коллективизацию, на колхозы. Отсюда и пришла беда.

...Чтобы жить, нужно было рыть землянки. А потом – валить лес. Способны ли были к такой работе нежные руки музыканта? Увы. Но кто не работал, тому не давали пищу. Должны были работать и старшие дети, «оплата» их труда была та же – еда. Семье Шокальских приходилось очень трудно. Тяжелый заступ, топор... Руки главы семейства были ободраны в кровь, опухшие. Чтобы хоть чем-то утолить голод, ели траву. И все-таки сквозь сырость и смрад болот, сквозь непроходимую тайгу прорывались звуки скрипки: музыкант играл полонез Огинского – «Прощание славянки»...

Его не хоронили. Просто увезли на тачке и спустили в ров. Вскоре туда «последовала» и жена, и малышка.

Младших четверых детей Шокальских отправили в детдом. Летом 1934-го они прибыли в Оханск на том же пароходе в сопровождении Г.И.Попова. Трехлетняя Оля вскоре умерла, и их осталось трое: Лена, Аркадий и Тоня.

Большие, излучающие теплый свет глаза Лены всегда с любовью смотрели на малышку. Вместе с Аркадием они приходили в дошкольный детский дом, где жила Тоня. Это была бойкая, жизнерадостная

В дошкольном детском доме, справа первая – Тоня Шокальская, вторая – Катя Щукина, 1934 год

девочка. Воспитательница Валентина Ивановна Калашникова рассказывала о ее проказах, а также о том, что Тоня – очень артистична, тонко чувствует музыку, с удовольствием танцует, поет, читает стихи и свободно держится на сцене. Радуюсь за сестренку, которая там, в болотах, еще ничего не понимала и, соответственно, ничего не помнила из той жизни, Лена, как старшая среди них, приняла решение: не рассказывать девочке о том, что их родители были репрессированы, поберечь ее детство, чтобы прошлое, в котором ни они, ни их родители не были виноваты, не висело на ней тяжелым и в ту пору постыдным бременем: мол, дочь «врага народа». Лена знала, что их отец не был ни в чем виноват, что произошла какая-то страшная ошибка, и Тоня должна расти, смело смотря людям в глаза и гордиться своими родителями, гордиться, что она – Шокальская. По мере взросления девочки старшая сестра говорила ей, что мама и папа умерли от болезни, почему они и остались сиротами. Рассказывала, какие они были, как никогда не склоняли голову перед трудностями и ненавидели мерзость, если она попадалась на их пути. Горькую правду она поведала Антонине только тогда, когда та стала взрослой и смогла все правильно понять. Александр Шокальский был реабилитирован. Посмертно.

Но самой-то Лене в то время было всего-навсего 12 лет. По сути, ребенок. Ребенок, которому пришлось так рано повзрослеть. И надо только удивляться, как ее неокрепшие плечи вынесли такое жизнен-

В струнном оркестре, слева-направо Ваня Лощановский, Аркаша Шокальский, Вася Фомин, 1935 год.

ное бремя? Как ее маленькое сердечко смогло вместить в себя столько боли? И она не озлобилась, не затаила в себе обиду на весь окружающий мир. Наоборот, находила душевные силы для других. Лену за ее мягкий, добрый характер любили в детском доме. А она прилежно училась, с удовольствием вышивала, шила в мастерской детского

городка. Может быть, во многом на таких детей, прибывших, по сути, из ада, влияла добрая обстановка в детском доме? Они никогда не чувствовали себя униженными, им никто никогда не напоминал о прошлом, с ними были умные и все понимающие воспитатели. Вообще педагогический коллектив Оханского детского городка в 1934-1937 годах, возглавляемый вновь Павлом Петровичем Быковым, был сильным высоким профессионализмом основного ядра воспитателей, которые задавали тон в работе, учили молодых.

Аркадий, как и Лена, по прибытию в Оханск стал учиться в четвертом классе. Мальчик был очень талантлив. Он хорошо рисовал, пел, играл на струнных музыкальных инструментах, писал стихи, которые нравились детдомовским ребятам, его товарищам, и они знали их наизусть. Учился только на «отлично». У него были способности к языкам. Изучаемый в школе немецкий язык он знал настолько хорошо, что учительница, когда он уже учился в старших классах, поручала ему вести уроки в пятом классе. Аркадия тоже любили в детском доме. Навидавшись жестокости в этом мире в свои такие еще по сути детские годы, он сам не стал жестоким. Кто научил этого мальчика видеть в людях хорошее? Поддержали его не окрепший в 11 лет характер воспитатели, а вот зерна доброты, душевной щедрости заронили в душу отец с матерью. Аркадий был очень похож на отца

не только одаренностью, но и независимостью своих взглядов. А еще он был очень честным. Это тоже давалось порой непросто. Но Аркадию, казалось, силу придавала фамильная гордость. Трогательно и в то же время стараясь быть на правах старшего брата строгим, он заботился о младшей сестренке.

- Тоня,- говорил он ей,- если ты будешь так себя вести, я поменяю фамилию. Поняла? Мне стыдно за тебя.

Его в числе лучших воспитанников детского дома посылали в Москву, в Ленинград, и он обязательно привозил сестрам какие-нибудь маленькие подарки: буклетик о северной столице, томик Пушкина.

«Я была тогда совсем ребенком (на шесть лет младше Аркадия), но очень любила его, - вспоминала впоследствии Антонина Александровна Шокальская (после замужества – Щукина).- И восхищалась им. Мне нравилось все, что он делал. Я любовалась его рисунками, картинами (он писал маслом). Очень любила слушать, как он читал стихи, как пел, играл.

...Мои детские воспоминания скорее зрительные. То я вижу его на сцене, то в цветущем саду с мандолиной в руках. А еще помню: стою я во весь рост на подоконнике нашего детского дома и утираю слезы. Обидно, меня наказали за строптивый характер и не пустили на праздник. И вдруг вижу: идет наша детдомовская колонна, играет духовой оркестр, а впереди в голубой футболке со знаменем в руках Аркадий. И мне так хорошо стало. Теплой волной поднялась в сердце гордость. Пусть меня нет на празднике, но вот же идет мой брат – самый первый, самый лучший!»

Глава 3

Забота

В 1935 году Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановления о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, следом вышли аналогичные постановления бюро Свердловского обкома ВКП(б) и президиума Свердловского облисполкома. Вероятно, были выделены на детдома и какие-то дополнительные финансовые средства, так как директор П.П.Быков в июне издает приказ о необходимости оборудования детских домов мебелью: столами, этажерками, тумбочками, венскими стульями, вешалками, а также закупить на столы клеенку, на окна – тюлевые шторы, посуду – чайную и столовую, ложки, вилки, ножи, графины, солонки... Из этого можно предположить, насколько все-таки небогато в те годы жил детгородок. Да и тут предлагается заведующему хозяйственной частью А.А.Окулову «проявить всю гибкость в снабжении, использовать местные возможности и закупать все выше перечисленное в Перми через промторг. Обратить внимание на обмундирование детей и сделать заявку на все необходимое». В связи с вышедшими документами особое внимание обращено на учебно-воспитательную работу с детьми. Завучу М.А.Пастуховой предложено конкретизировать работу с патронированными, а также включить в планы расширение библиотеки, организацию оркестров, общего для детгородка хора, хоровых кружков в детдомах, кружков моделистов, изобретателей, краеведов и так далее.

Т.И.Писаревская вспоминала о жизни детгородка в тридцатые годы: «Старшие (Наташа Амельченко, Маша Ермоленко, Лена и Аркадий Шокальские, Фрося Юфимчук, Коля Ясько, Костя Сартаков, Шура Ивлев и другие) относились к нам, как братья и сестры. Мы тянулись к ним и уважали их. Они часто приходили к нам, играли с нами, ставили для нас постановки, концерты. В каждом детском доме мы имели свой огород. За каждым из нас были закреплены грядки, где росли морковь, огурцы, репа, свекла, горох, бобы. Ухаживали за грядками с большим старанием. Были у нас в детгородке и свои поля, где садили картошку, свеклу, сеяли рожь, пшеницу, овес, ячмень и горох. Картошку садили под лопату, пропалывали руками, окучивали тоже вручную, мотыгами, и никто не отлынивал и не стонал. Заместителем директора по хозяйственной части

был Алексей Александрович Окулов, ребята его любили. В детгородке были и свои коровы, свиньи, лошади, воспитанники ухаживали за ними. Те, кто был постарше, участвовали в сенокосе: мальчики косили, девочки гребли. А еще мальчики веяли зерно и заготавливали дрова на зиму. Кстати, печки в группах были закреплены за мальчиками, в их обязанность входило, чтобы каждый день для печек были наношены дрова. Мы дежурили по спальням, по столовой, кухне. Мыли посуду, мыли полы, а они были некрашенные. Еженедельно в группе проводилась генеральная уборка, и во дворе тоже (зимой убирали снег). Делали все без напоминаний. Старались, чтобы у нас было чисто, уютно. К бане чинили и гладили белье. Работали много и знали, что так надо. В хозяйстве детгородка были машина, трактор и хорошие мастерские. Инструкторами по труду работали Е.Д.Усталов, М.С.Красильников и А.В.Липский. Девочки учились шитью, вышивке, вязанию, инструкторами были В.Ф.Дружинина и Т.А.Протасова. Мы им благодарны, что многому научили нас. За хоро-

На снимке: коллектив мастерских детгородка в 30-е годы; слева во втором ряду 3-й А.В.Липский, 6-й – Я.В.Чебашев; в четвертом верхнем ряду слева 4-й В.И.Овчинников, кузнец

шую работу на подсобном хозяйстве в Москву, на ВДНХ ездили Митя Гомяжо и Ваня Примук.

Умели мы хорошо и отдыхать. В детгородке многие из нас пели в хоре,

музыкальным руководителем его была всеми нами любимая Леонилла Ильинична Ермакова, мы всегда ждали ее занятий. А еще мы очень любили играть в игры: лапту, городки, чиж, шар-бабу. Так заигрывались на своей зеленой улице Кирова, что не хотелось уходить домой. А как ждали мы праздники красного календаря! Готовили к ним концерты и так весело и радостно их проводили. Много знали песен, танцев; танцевали под гармошку и аккомпанемент пианино... У воспитателей детгородка была своя самодеятельность. Обычно после отбоя они собирались в детском доме №3. Мы все замирали в своих постелях и слушали, как они пели. Особенно я любила в их исполнении песню «Домик над рекою». Часто они ставили для нас концерты, постановки, особенно к праздникам.

Был у детгородка хороший пионерский лагерь в деревне Подскопино, работал он летом в три смены. Сколько там было ягод, грибов! Жгли костры на берегу реки Очер, были массовки, спортивные игры. На открытие и закрытие смены всегда приезжал директор П.П.Быков, завуч Б.А.Левина, заместитель по хозяйственной части А.А. Окулов. Мы встречали их с радостью.

Каждая группа делала запасы на зиму: солили грибы, собирали малину на холмах за деревней Окуловкой. Брали с собой лошадь, на телегу ставили бочки, куда и сыпали собранную малину.

Живя в лагере, в пяти километрах от города, мы ходили всем лагерем в город, чтобы посмотреть кино в кинотеатре имени Лузина. Зная с утра, что пойдем домой, набирали земляники на Окуловском озере, букеты кувшинок и несли своим подругам. Жили мы дружно.

Однажды в 1937 году нам сказали, что сегодня хлеба будет на столах досыта. Мы спрашивали: а как это будет? Мы не помнили: а как это «досыта»? И вот пришли в столовую. На столах хлеб лежит в тарелках, а не порциями (200 граммов утром, 100 граммов в обед и 200 граммов в ужин). Но радость наша была недолгой. Вскоре опять появились порции (военные действия на Халхин-Голе, на озере Хасан, финская война). Горожане очередь за хлебом занимали с ночи, и она протяженностью была на несколько улиц. Так что всем приходилось нелегко. Но мы всегда в Оханском детском доме чувствовали о себе заботу».

Три раза в неделю при швейной мастерской детгородка работал кружок по рукоделию. Среди воспитанниц, посещавших его, были Е.Орлова, М.Блинова, М.Шубникова, В.Шторц, М.Коркачева, Т.Марченко, Е.Межевич, Ф.Юфимчук, Н.Амельченко, А.Жугдакова, Е.Дмитриева, В.Рыкова, В.Мещерякова, Т.Янаничева, Л.Абатурова.

Глава 4

Новые ботинки. Укрупнение детгородка

- Павел Петрович,- как-то обступили ребята директора детского городка, довольно часто заглядывающего в интернаты,- вот Вы нас ругаете за двойки, а до нас воспитанники лучше были?

Директор хитро прищурил глаза:

- А вы как думаете?

Ребята смолкли. Им очень хотелось быть лучше своих предшественников, но как скажешь?

- Всякие бывали: и такие же лодыри процветали, и хорошие были.

Павел Петрович помнил многих, таких же босоногих, с глазами, полными любопытства. Но были и упрямые, озлобленные, не желающие понимать ничего доброго. Занимавшиеся воровством, бродяжничеством в годы гражданской войны и интервенции, они очень трудно привыкали к жизни в детском доме. А этим, Быков посмотрел на воспитанников, тоже еще, ой, как нелегко порой приходится. Им бы сейчас масла вволю, фруктов. Да одеть красиво, а не в эти одинаковые серые из пике платьишки. Он остановил взгляд на Тане Писаревской: вот этой, черноглазой, подошло бы красненькое платьице. Ох, и заблестели бы ее глазенки тогда!

- Ничего, ребята, потерпите немного,- не совсем понятно для воспитанников, отвечая на свои мысли, сказал директор.- Настанет время, когда детские дома так хорошо будут жить, что им завидовать будут.

- И булки будем вволю есть?- выскочил какой-то малыш.

- Конечно, будете. А у девочек будут самые красивые нитки мулине, и они будут вышивать целые картины.

У дверей второго детского дома, куда директор направился дальше, на него чуть не налетел какой-то рыжий мальчишка.

- Ты что? Куда бежишь?

- Говорят, нам ботинки дадут,- выпалил тот, с ходу не разобравшись, кто перед ним стоит.

- Дадут, дадут вам ботинки. Правда это,- сказал директор.

Ребята, стоявшие поблизости и до этой минуты не верившие Митьке, переглянулись и как-то все враз посмотрели на свои исцарапанные, в цыпках босые ноги. «Неужели?» - этот немой вопрос стоял в глазах у каждого. Зимой они шили себе из старых одеял бурки, а в теплое время года, пока земля не покроеется снегом, ходили босыми.

...Ботинки, настоящие, вкусно пахнувшие кожей, Вера Шторц положи-

ла под подушку. Этот радостный день мог сравниться с еще одним: когда им, девочкам, сказали, что детский дом получил шерстяную ткань и в мастерских уже шьют из нее платья. Девочки казались себе самыми красивыми и счастливыми на свете в новых шерстяных платьях, ведь они такие платья одели впервые в жизни.

Но этот день был уже в 1936 году. А в 1935-м учебный год начинался нелегко. «На складе имеется всего 1 тысяча тетрадей, которые должны расходоваться до января на 15 детских домов,- гласил очередной приказ по детгородку.- Категорически предлагаю всем заведующим детскими домами под их личную ответственность расходовать тетради по прямому назначению (не расходовать на дневники, планы и так далее) и предпринять все меры к закупке бумаги для ученических работ через шефов и магазин».

18 сентября в изолятор из Шалашинского детского дома поступил 12-летний Витя Чернышов с диагнозом: трахома. А через месяц в детгородке открыто трахомное отделение, куда к больным воспитанникам направлена воспитательница Т.П.Полуносова. Малыши в дошкольном детском доме болели скарлатиной, в Шалашах был карантин по свинке, в шестом и девятом детских домах – карантин по кори. Вакцин против этих детских заболеваний еще не было, антибиотиков тоже, и с трахомой не научились справляться, отсюда и эпидемии, тем более в большом детском коллективе. К тому же и поступающие в детские дома дети были, чаще всего, очень ослаблены, требовалось время, чтобы восстановить их детские организмы. И как не старался Быков изыскивать для этого возможности, многого в их питании не хватало. В том числе и хлеба, о чем свидетельствует приказ директора от 8 июля 1935 года: «...Увеличить суточную норму хлеба в возрасте от 8-13 лет с 650 до 700 граммов, от 14 лет и старше – с 800 до 850, дошкольному возрасту оставить 500 граммов». Если еще учесть, что по распорядку дня утром был лишь чай (а не завтрак из трех блюд!), потом обед, а в 5 часов снова чай и вечером ужин, то с чаем, естественно, ели хлеб, и всегда хотелось еще кусочек... В одном из летних приказов Павла Петровича в этом году встречаем такую строчку: «...Ввести в обязательный порядок горячие ужины и завтраки и два раза в неделю – обед из трех блюд». А в октябре того же года: «Обязываю старшего бухгалтера т. Лазарева установить строгий контроль за тем, чтобы отпускаемые на питание 84 рубля 66 копеек на ребенка в месяц полностью шли на приобретение продуктов питания... Обязываю иметь в детдомах обед не ниже, как из трех блюд, а также утром и вечером не ограничиваться одним чаем...».

Далее директор настойчиво добивается, чтобы в швейной мастерской платье воспитанникам шили не по стандарту, а по меркам с каждого ребенка, то есть чтобы был индивидуальный пошив, чтобы одежда сидела красиво.

Все больше внимания уделяется трудовому воспитанию. К примеру, при швейных мастерских детгородка был организован ученический цех на 30 человек. 12-14-летние девочки работали в нем по два-три часа ежедневно. Шили вместе со взрослыми работницами мастерской постельное белье, верхние и нижние рубашки, кальсоны, брюки мальчикам, панталоны, платья девочкам. Было две смены. 12-14-летние мальчики работали в слесарной, токарной, столярной, сапожной мастерских по 3 часа. 8-9-летние тоже работали, но по часу, и на таких работах, как переплет, картонаж, шитье. При детском городке был создан производственный отдел, на его заведование назначен А.В.Бабин.

Из выпускаемых воспитанников 15 человек в 1935 году направили в Пермь, в Уралэнерго на бригадное ученичество. Ребят и девчат снабдили двумя сменами нижнего и верхнего белья, пальто, обувью, головными уборами. Уехала также группа воспитанников в ФЗУ кондитерской фабрики «Красный Урал». А так как дети все прибывали, и много дошкольного возраста, С.А.Мрачковой было поручено использовать еще одно помещение под новый детский дом – для первоклассников.

Л.Н.Николаева

В приказах по детгородку в эти годы все чаще встречается слово «патронирование»: «воспитательницу Еловикову считать в командировке в Казанский сельсовет по вопросу патронирования», «воспитательницу Николаеву Л.Н. считать в командировке в Окуловский сельсовет по вопросу патронирования», «30 воспитанников из Шалашей отправляются в Еловский район на патронирование»... Вероятно, отдавали детей в семьи на воспитание, но какой был механизм оформления, неизвестно.

В 1935 году произошла некоторая смена кадров в администрации Оханского детского городка. С сентября на основании приказа заведующего Свердловским облоно и распоряжения заведующего Оханским районо завучем и первым заместителем директора была назначена Берта Антоновна Левина. Ранее она жила и работала в Свердловске, перевезла оттуда в Оханск семью. И в декабре этого года в детский дом №3 была назначена Анна Антоновна Левина – вероятно, сестра Берты. С октября заместителем директора по воспитательной части командирован Оханским райкомом ВЛКСМ Павел Иванович Кондрашов. В его обязанности входили: культурно-массовая работа, организация военного дела, организация физкультурной, работа по вопросам организации быта в детских домах.

Детский городок

В 1936 году идет укрупнение Оханского детского городка, в который переводят Александровский, Полевский, Асбестовский детские дома (весь состав воспитанников и воспитателей). Так, из Александровска в то время приехала Клавдия Федотовна Аристова, работавшая затем десятки лет сначала в детгородке, а затем – в детском доме №1 и оставившая добрую память о себе в сердцах многих своих воспитанников.

На снимке: сотрудники детского дома №1, входящего в состав детгородка; слева первая внизу К.Ф. Аристова, 1937 год.

В связи с большим пополнением детей требуются новые помещения. Использованы здание бывшего общежития рабфака (детдом № 11 на 40 воспитанников), бывшее общежитие педтехникума, бывшее здание неполной средней школы и другие. Ставится вопрос об отправке детей на лето к родственникам. С этой целью заведующим детских домов рекомендовано провести работу по выявлению родственников, а также «списаться с органами НКВД для выявления точных адресов имеющих родных»... Сколько, значит, было детей репрессированных!

Чтобы разместить вновь прибывших воспитателей, заведующему хозяйственным отделом А.А.Окулову предложено изыскать возможности помещений при детских домах, используя канцелярии и дежурные комнаты, но, подчеркивает Быков, не допускать уплотнения детской площади.

И все-таки воспитателей не хватало, особенно на летнее время, когда больше было отпускников. В июне, после окончания учебного года, становится на время воспитательницей у дошколят Лена Шокальская. А ей всего 14 лет! Но, учитывая высокое чувство ответственности у этой девочки, щедрость души, руководство детского городка доверяет ей малышей. Воспитателями-практикантами принимают на летний период также воспитанниц Машу Ермоленко, Сашу Ивлеву, Зою Майских. Назначают воспитательницей на второй класс Ангелину Артемову, это уже выпускница детского дома (вероятно, после семилетки), предоставляют ей вместе с другой молоденькой воспитательницей комнатку при одном из интернатов. Нелегко работать в детском доме, и кто, как не бывшие его воспитанники, знают, умеют понять душу ребенка-сироты?!

В этот же год начинает работать воспитателем в детгородке Сусанна Афанасьевна Новгородова (после замужества – Киселева). О ней В.Р.Шторц, будучи директором детского дома, в 1975 году напишет в местной газете: «...Восемнадцатилетней хрупкой девушкой пошла она работать в детский дом. И

На снимке: Ида Гофман, Зоя Майских, Миля Былина, 1936 год

все свои лучшие годы посвятила этому нелегкому труду воспитателя. Воспитанники предвоенных, да и послевоенных лет уже взрослые, обзавелись семьями. А сердце воспитательницы по-прежнему отдано детям – вот уже 39 лет... Выйдя на пенсию, она продолжает любимую работу, причем, не чурается никакой: не хватает на кухне рабочих – идет помогать готовить обед, отсутствует по какой-то причине ночная няня – опять которую ночь подряд Сусанна Афанасьевна остается со своими детьми. Это не опечатка: она, действительно, считает их своими, родными... Много успехов и праздников было в ее большой семье. Один из них – поездка в 1966 году кружка юннатов, которым руководила Сусанна Афанасьевна, в Москву на ВДНХ, там она была награждена медалью участника Всесоюзной сельскохозяйственной выставки».

В связи с большим количеством в детгородке дошкольников, «в целях конкретного руководства дошкольным делом», организуют дошкольную секцию, объединив в ней всех дошкольных работников детских домов. Заведующей воспитательной частью дошкольных детских домов назначают В.И.Калашникову.

Глава 5

Библиотека. На белом коне

Особо хочется сказать о роли книги в воспитании детей в оханских детских домах. В планах работы воспитателей она всегда присутствовала. Например, Евдокия Павловна Старкова – Загребаяева в своей группе перед сном часто читала ребятам какую-нибудь очень интересную книгу. И останавливалась на самом интересном месте, так что воспитанники с нетерпением ждали следующего вечера. Спектакли, которые ставили в детгородке, тоже были по известным произведениям русских и советских писателей, драматургов. А если говорить о библиотеке, то начало ее было заложено сразу же при открытии первого в годы советской власти детского дома в Оханске в 1919 году (реорганизованного из приюта): из отдела народного образования была получена библиотечка художественной литературы. С начала 1935 года ставится вопрос о расширении библиотеки. Обязанности библиотекаря выполняет Вера Михайловна Осипова, воспитатель с большим стажем работы, перешедшая при П.П.Быкове на должность секретаря управления и на полставки – библиотекарем. Библиотека, вероятно, тогда находилась в здании управления. В августе 1936 года ее заведующей назначена Анна Ефимовна Колчанова, она работала с двух часов дня до восьми вечера. Вскоре при библиотеке открывается литературный кружок. В практику входят читательские конференции по прочитанным книгам. Под контролем администрации детгородка обеспеченность детских домов, причем в обязательном порядке, газетами и журналами. Присутствует забота о сохранности книг, в связи с этим приказ Быкова о том, чтобы «категорически запретить доступ лиц, не отвечающих за ценность библиотечного фонда, в отсутствии заведующей библиотекой». В 1937 году, когда Оханский детский городок готовился к 15-летию своему юбилею, на его счет поступило 500 рублей специально на пополнение библиотеки, что и было сделано. С июня этого года меняется руководство библиотекой: А.Е.Колчанова уходит в декретный отпуск, и на ее место временно назначена Августа Алексеевна Вяткина, она исполняет обязанности заведующей библиотекой до середины сентября, то есть до выхода на работу Анны Ефимовны

(декретные отпуска были небольшие). За это время Августа Алексеевна успевает получить выговор за промедление с тщательной проверкой имеющейся в библиотеке литературы. Чувствуется 37-й год! Не сам директор придумал эту проверку. Ему пришел приказ свыше. Просмотр литературы проходит совместно с представителем райлита. Тщательно проверяется все наличие книг «на случай обнаружения вражеской литературы», таковая немедленно изымается. Что тогда считалось вражеской литературой? Томики Зощенко? Рассказы Бунина? Есенин?.. А вот уже приказ, касающийся работы библиотеки, другого рода: «В связи с подготовкой к учебному году заслушать на учебной части доклад заведующей библиотекой, дав ей, а также всем заведующим детскими домами конкретные указания о том, как должна быть поставлена работа

На снимке: коллектив детгородка в 1937 году; слева направо в первом нижнем ряду – В.П.Быков, зав.детдомом, Н.А.Журавлева, музыкальный работник, Д.Е.Тареев, физрук; во втором ряду – Т.Ф.Вяткина, воспитатель, третий – П.П.Быков, директор детгородка, Б.А.Левина, завуч, А.А.Окулов, завхоз, Г.И.Попов, зав. детдомом, К.В.Костромина, зав.детдомом; в третьем ряду – С.А.Мрачковская, зав.детдомом, В.Ф.Аликин, кассир, Е.П.Старкова, зав.детдомом, В.М.Осипова, секретарь управления детгородка, С.Д.Якушев, первый директор средней школы, А.Ф.Лазарева, воспитатель.

детей с книгой, созвать специальное совещание детей по детским домам с постановкой вопроса об использовании книги. Среди всего воспитательского состава детгородка поднять на принципиальную высоту вопрос детского чтения».

Командирован областным отделом народного образования в детгородок на работу педагога по физическому воспитанию в 1936 году Дмитрий Ефимович Тареев. До него все, видимо, не везло с кадрами на эту должность – часто менялись. Дмитрий Ефимович проработал до 1941 года, затем ушел на фронт и погиб, защищая Родину.

Учителем пения, музыки, руководителем хорового кружка в детском городке с 1935 года работала Леонилла Ильинична Ермакова (сначала была принята в детский дом в качестве воспитателя). До нее с 1930 года был Георгий Константинович Сперанский. Работал струнный кружок, куда любил ходить Аркадий Шокальский, он же в начале 1937 года участвовал в художественной олимпиаде, которая проходила в Свердловске и на которую воспитанников из Оханска сопровождала К.В.Костромина. Был в то время уже в детском городке и свой духовой оркестр, руководил им Т.И.Преловский. Ну, а завершающим событием 1936 года стал большой праздник по поводу принятия новой (сталинской) Конституции СССР. 5 декабря директор детгородка издал приказ: «В связи с утверждением Конституции СССР провести по детскому городку мероприятия: этот день (понедельник) считать незанятым. Здания детгородка украсить флагами. Вечером – радиослушания в детских домах. 6 декабря воспитателям вывести всех детей школьного возраста на митинг на базарной площади. Колонны должны быть празднично украшены. Детские дома должны явиться с барабанами, горнами, знаменами, портретами, лозунгами, искусственными цветами».

В январе 1937 года в Оханский детский городок прибывает новая партия детей - 130 человек. Организован еще один детский дом. И в этом же месяце объявлена декада по борьбе с вшивостью и чесоткой. Предварил ее «разгромный» приказ директора детгородка Быкова о безответственности и халатном отношении к своим обязанностям ряда заведующих детскими домами, медицинского работника, ослабившими контроль над санитарным состоянием интернатов и личной гигиеной воспитанников. Дошло до того, что одна воспитанница покрылась чесоточными струпьями. «Одежду вновь прибывших пропускать через дезо-

камеру, - приказывал директор.- Расширить прачечную. Стрижку волос – под машинку. У кого из девочек прически – смазывать перед баней волосы керосином...»

Хотя и нелегко было с питанием воспитанников, в детском доме они питались, порой, лучше, чем дети в семьях воспитателей. Да и не оставалось времени у педагогов на своих детей: смены были длинные, уходили на работу к утреннему подъему воспитанников, а уходили после отбоя. В связи с этим, на основании распоряжения заведующего облоно Пазилова, в детском городке разрешено было по приказу директора «засчитывать в состав воспитанников детей сотрудников», при этом определенная сумма вычиталась у них из зарплаты. Так «засчитаны» были, например, дети В.И.Калашниковой, Л.И.Ермаковой и других. Как вспоминали впоследствии эти дети, они жили одной семьей с детдомовскими, дружили, участвовали в мероприятиях, только немного было обидно, что их мамы обделяли их вниманием, отдавая в большей степени его воспитанникам. Лишь вечером, дома, перед сном матери считали себя вправе приласкать дочку или сына. Разве могли они это сделать там, в детском доме, на глазах тех, кто навсегда лишился родных ему людей!? Боялись ранить маленькие души.

В марте 1937 года облоно отзывает Б.А.Левину и своим приказом назначает нового первого заместителя П.П.Быкову и заведующего учебной частью: Викторина Ивановича Лебедева. В то время в состав детского городка входило 12 детских домов. В должности заведующих тогда работали Ф.И.Загребаева, С.А.Мрачковская, К.В.Костромина, А.Ф.Лазарева, М.П.Быкова, Г.И.Попов, В.П.Быков, Н.А.Журавлева, Н.М.Куприянова, В.И.Калашникова (два детских дома было объединено под одно заведование). Помощником директора по воспитательной работе была в то время Е.П.Старкова.

Накануне 1 Мая Быков издал приказ о том, чтобы в качестве противопожарных мероприятий в день праздника по всему детгородку установить дежурства из рабочих хозяйств, а также организовать ночные конные разъезды с 9 часов вечера до 7 часов утра. Пожары в Оханске случались нередко, а ведь большинство зданий детгородка были деревянными.

И еще один приказ вышел перед праздником. Судя по книгам приказов предыдущих лет, такого содержания он был впервые: «За хорошие

показатели в работе, за чуткое и материнское отношение к детям премировать нижеследующих товарищей...». Далее следовал довольно длинный список фамилий сотрудников, в числе которых были не только педагоги, хотя их число превалировало, но и заведующие мастерскими, рабочие по хозяйству, технические работники, повар, прачка. Интересно было и то, какие были премии. К примеру, заведующим детскими домами С.А.Мрачковской, К.В.Костроминой вручили патефоны. Вероятно, это была самая весомая премия. Заведующим детскими домами Ф.И.Загребаевой, М.П.Быковой, Г.И.Попову, воспитателям А.С.Боронниковой, Л.Н.Николаевой, В.И.Трошевой подарили письменные приборы. Заведующему В.П.Быкову – фотоаппарат. Воспитателей З.Ф.Майских, Е.П.Ожигбесову, К.Ф.Аристову наградили балалайкой, воспитательницу А.И.Артемову – гитарой. Денежные премии шли уже как более низшие награды: от 100 до 30 рублей. Покрупнее они были работникам управления: от 200 до 50 рублей. Но как себя чувствовали те, кто получил в качестве вознаграждения бюст Сталина? Такой презент был вручен заведующему механических мастерских С.И.Овчинникову, воспитателям М.Ф.Косых, Л.А.Пискуновой, Батуевой. Может быть, позавидовали про себя поварихе Красновой, получившей 30 рублей? Но только про себя. Скажи-ка такое вслух! Не только бы лишились работы, но и оказались за решеткой. Вполне возможно, и директор не мог не включить в число премий такой вот сувенир.

1 Мая. Этот праздник любили в детском городке. И проходил он красиво, звучно. В 10 утра все детские дома колоннами, под руководством заведующих, с горнами, знаменами, барабанами, соответствующими плакатами, прибывали к зданию управления детского городка. Командование общей колонной возлагалось на инструктора по физвоспитанию Д.Я.Тареева. Он выстраивал прибывших, и при появлении директора детгородка неслась команда «Смирно!». Павел Петрович Быков принимал рапорт верхом на белом коне. Всем воспитанникам, как ни много их находилось в колоннах, хорошо было видно своего директора. По-военному подтянутый, молодой, он прекрасно держался в седле и управлял конем. Так, возглавляя коллектив детского городка, он выезжал в направлении городской площади, чтобы принять участие в общегородской демонстрации. Ветер развеивал знамена следовавшей за ним колонны, ребята чеканили шаг под звуки горна и дробь барабанов... Жители Оханска любили смотреть, как идут воспитанники.

Глава 6

Большой праздник. Арест Быкова. Ликвидация детгородка

С июня 1937 года весь детский городок готовился к своему 15-летнему юбилею. Почему не в 1938-м? Детский городок был организован в декабре 1923-го. Может быть, до июля 1924-го шел организационный период и официально открытие состоялось 1 июля? Уже нет свидетелей того времени. А сухой язык документов не всегда понятен. Но то, что праздник был именно в 1937 году – это факт. К нему готовились заранее. Перво-наперво оформляли грандиозную выставку, которая должна была отразить все этапы пройденного пути и детское творчество. Писали и оформляли красочно стенные газеты, изготовляли макеты, отражающие быт детских домов (столовые, спальни, мастерские, летний лагерь). Мастерские отбирали самые хорошие изделия (столярные, слесарные), изготовленные ребятами. Кружки готовили работы, в которых наилучшим образом проявилось творчество детей: красивые модели, вышивки, вязание, разнообразные работы по художественному выжиганию, выпиливанию. Юные художники выпускали альбомы рисунков и даже писали картины. У юннатов, краеведов тоже было что показать.

30 июня 1937 года директор П.П.Быков издает приказ: «Завтра, то есть 1 июля, исполняется 15 лет, как существует Оханский детский городок. В ознаменовании этой славной годовщины 1 и 2 июля проводится торжество... Все здания украсить флагами. 1 июля в 4 часа дня все детдома со знаменами, горнами, барабанами прибывают к управлению детгородка, колонны должны быть украшены плакатами, лозунгами, цветами, гирляндами. От управления колонны будут двигаться к горсаду. Там – официальная часть: вручение премий детям, сотрудникам, выступление бывших воспитанников, ответное слово нынешних воспитанников. Затем художественное обслуживание силами детей. Украшение и оборудование сцены к торжественному заседанию – на коллективе детского дома №2, под ответственность его заведующей К.В.Костроминной. Работа буфетов, установка пианино и хозяйственное обслуживание в горсаду возлагается под персональную ответственность заведующего административно-хозяйственной частью А.А.Окулова. Культурное обслуживание – на помощника директора по воспитательной работе Е.П.Старкову и преподавателя музыки Л.И.Ермакову». Большой и радостный праздник, наверное, был в тот день в Оханске!

А лето продолжалось. И тогда еще никто не думал, что это - последнее лето в жизни Оханского детского городка. Пока все шло своим чередом. Приехавших в гости на летние каникулы бывших воспитанников поставили на питание. Это же был их родной дом! Инструктор Д.Е.Тарев с командой футболистов детских

домов едет в город Осу на футбольный матч. Готовясь заранее к учебному году, ребята приводят в порядок накопленный за лето материал: гербарии, коллекции насекомых, минералов. Директор по-прежнему заботился о питании детей, часто вникая в дела хозяйственные. Например, снизились у детдомовских коров удои. Жарко. Быков приказывает выпас скота проводить с 7 часов вечера до 7 утра, поить коров два раза в день. Получаемое молоко поступает к столу детям, оно им очень нужно. Принимаются меры к организации бондарного цеха для изготовления тары для засолки капусты и огурцов. Идет сенокос, ремонт овощехранилища... Разные приказы встречаются по детгородку, но нет приказа о том, что его директор уходит в отпуск. Видимо, никак не складывалось. Тем более, то одно ЧП, то другое. Утонет в Каме при купании в запрещенном месте (под собором), вдали от спасательной станции, 13-летний Тимофей Пепеляев. Устанавливается вина сотрудников, и следует наказание. Ваня Ожгибесов заболел туберкулезом, его отправляют в туберкулезный диспансер. В конце августа прибывает новое пополнение детей из Москвы: 30 дошкольников и 40 – школьников, решается вопрос об их размещении. Двадцать воспитанников направлены в Добрянский и Чермозский заводы для трудоустройства.

«Под новый 1938 год мы из детгородка ездили в Свердловск на смотр художественной самодеятельности детских домов,- пишет в своих воспоминаниях Т.И.Писаревская.- Исполняли там русские, украинские, белорусские песни и другие номера. Даже пели на украинском языке, и на нас были красивые украинские костюмы. По результатам смотра нам подарили пианино. Сколько было радости!.. Но дома ждало нас горе:

забрали нашего директора детгородка Павла Петровича Быкова. Его оклеветали. Многие мы тогда не знали и не понимали. Старшие воспитанники вместе с воспитателями хлопотали, чтобы его освободили. И добились: Павел Петрович не сразу, но вернулся...».

14 января 1938 года он подписал свой последний приказ по детгородку, а 15-го подписывал приказы уже другой человек. Как и делалось в те годы: внезапный арест, никаких объяснений, доводов не слушали. И только 20 января приказ: «На основании постановления президиума Оханского райисполкома от 13 января сего года директора детгородка Быкова П.П. с работы снять. На работе в должности директора детгородка считать Бояршинова Михаила Ивановича»...

То, что эти дни для Павла Петровича были очень тяжелыми, - бесспорно. Но как разворачивались события, никто сегодня не знает: взрослых свидетелей нет уже в живых, а те, кто помнит, в ту пору были детьми и не знали сути дела. Почему, например, Быков 14 января свой последний приказ пишет об освобождении от работы заведующей детским домом №6 Быковой М.П. - своей жены? Упомянутое выше постановление президиума райисполкома было принято 13 января. Может быть, кто-то предупредил Павла Петровича, ведь его уважали в Оханске? И он пытается обезопасить свою жену?

М.И.Бояршинов

После увольнения, равно – ареста Быкова один за другим появляются приказы: «Заведующего детским домом №8 Быкова В.П. (брата Павла Петровича) от работы освободить согласно поданному заявлению», «Помощника директора по воспитательной части Старкову Е.П. от занимаемой должности освободить согласно поданному заявлению», «Заведующую детским домом №3 Загребаву Ф.И. от занимаемой должности освободить согласно личному заявлению». Сняты как не справляющиеся со своими обязанностями заведующая детским домом №9 Журавлева Н.А., заведующая детским домом №10 Киприянова Н.М. Кто-то из них остался рядовым воспитателем, а кто-то ушел из детского городка. Что это было? Увольнение неугодных? (Причем, не думаю, что по инициативе нового директора. Скорее всего, ему приходилось выполнять указания свыше). Или протест самих сотрудников аресту Быкова? Практически невозможно через семьдесят лет разобраться в мотивах данных поступков. Но то, что протест был, – это бесспорно. Причем, мощный протест. И смелый. Ведь педагоги сами могли за него сильно пострадать. Но иначе бы в те времена Быкова не освободили. Повлияли наверняка и письма детей. Быть может, это даже стало главным в пересмотре дела по аресту директора.

Глава 7

Школьный №3

От 16 апреля 1938 года (через три месяца) М.И.Бояршинов пишет приказ: «На основании приказа облоно от 1 апреля 1938 года №105/л о назначении т. Быкова П.П. с 1 апреля директором школьного дома приказываю производить т. Быкову оплату с 1 апреля за счет сметы детгородка, ...производить авансирование впредь до утверждения облоно результатов разукрупнения». Не очень четкий приказ, но суть его ясна: Быков возвращен. Но не на прежнее место. А какой резон на прежнее, когда его (этого места) через пару месяцев не будет?

И вот 29 июня 1938 года директор детгородка выносит приказ: «На основании постановления ликвидкома Оханский детский городок считать расформированным с 1 июля 1938 года (Успели-таки справить юбилей, и хорошо, что в 1937 году! - авт.). Педагогический состав работников распределить по отдельным детским домам». Их остается пять, из них четыре – школьные и один – дошкольный, три – в Оханске, один в Шалашах и один – на Перемке. П.П.Быков становится директором школьного детского дома №3.

Но это не просто один из пяти детских домов. Его можно было, наверное, назвать базовым. Или полноправным преемником детского городка. Причем, единственным, потому что именно в третий детский дом, например, перешли производственные мастерские бывшего детгородка (со столярно-слесарным цехом, швейным, сапожным), а также пионерский лагерь в деревне Подскопино. Именно в третьем детдоме продолжили работу: заместителем директора по хозяйственной части - А.А.Окулов, секретарем управления - В.М.Осипова. Вероятно, Павел Петрович Быков, ставший директором нового детского дома, доверял этим людям и хотел, чтобы они работали с ним и дальше. Уезжая в командировку, он поручал, например, вести приемку всех дел и ценностей на вновь организованный детский дом Алексею Александровичу, уполномочивал его и на распоряжение кредитами. Именно в этот детский дом перешел основной костяк педагогического коллектива детгородка: опытные, умеющие работать с детьми воспитатели. Среди них были Клавдия Владимировна Костромина, Татьяна Павловна Полуносова, Прасковья Андреевна Юркова, Евдокия Павловна Старкова, Фаина Павловна Загребаяева, Елизавета Ефимовна

Ширинкина, Мария Федоровна Косых, Антонида Ивановна Соснина, Надежда Савельевна Черехович. А рядом набирали опыту старших Зоя Федоровна Майских, Сусанна Афанасьевна Новгородова, Зинаида Ивановна Желвакова и другие. Инструктором по физкультуре становится вновь Д.Е.Тареев, руководителем пения и музыки – Л.И.Ермакова.

На момент организации детского дома №3 в нем насчитывалось 300 детей. Размещены они были в четырех интернатах. Кстати, и лучшие воспитанники, так сказать, здоровое

На снимке: Шура (фамилия неизвестна) и Рая Сартакова

На снимке: слева направо в первом ряду – Е.Е.Ширинкина, Е.П.Загребаева, М.Ф.Косых; во втором ряду вторая – Ф.И.Загребаева (Кондрашова), С.А.Новгородова (Киселева).

ядро детского коллектива, тоже оказались в этом детском доме: Аркадий и Лена Шокальские, Петр Снитко, Таня Писаревская, Вера Шторц, Маша Ермоленко, Рая Сартакова, Федор Марукин и другие. Причем, старшие, Лена Шокальская, Маша Ермоленко, летом вновь работают воспитательницами.

Настает время, когда требования к образовательному уровню педагогов начинают повышаться. Выходит соответствующее распоряжение наркома просвещения РСФСР, на основании которого приказом директора детского дома всем воспитателям, не имеющим педагогического образования, предложено идти на заочное отделение Оханского педучилища.

Остается забота и о тех, кого детский дом выпустил на производство. К.В.Кос-

тромина командирована в Пермь и Юго-Камск для проверки быта трудоустроенных воспитанников.

Оханск в лето 1938 года живет в тревоге. За городом горит лес и болото. Погода стоит жаркая, и деревянным домам, а только такие и были на окраинных улицах, грозит опасность. Угроза нависает и над интернатами детского дома. Быков издает приказ: «В связи с окружением Оханска пожаром в целях предохранения детского дома и мастерских, а также складов приказываю провести следующие мероприятия: 1) привести в полную готовность все средства, необходимые на случай пожара (воду, лестницы, ведра); 2) установить ночные дежурства воспитателей, вменить в обязанности заведующих интернатами не реже одного раза за ночь проводить проверку интернатов; заведующим мастерскими и складами каждую ночь проверять охрану и быть в полной готовности на случай пожара».

Определенный отбор кадров был и среди младшего персонала детского дома. Старались принять людей, относящихся с должной ответственностью к порученному делу. Так ночным сторожем был принят Яков Феофанович Мелехин. Вскоре, удостоверившись, что работает хорошо, перевели его сторожем по кладям и на охрану картофельных участков.

Идет занятие

Глава 8

Последняя операция

Легкий летний ветерок влетел в открытое окно, шаловливо надувая белые занавески, бросая на пол с тумбочек какие-то бумажки, играя кончиками косынки у нянечки. Она хотела, было, закрыть окно, но увидела, как ожили глаза у девочек, месяцами лежащих на койках без движения, и остановилась: «Пусть побалуется, шалунишка!»

А Вере Шторц казалось, что этот ветерок прилетел к ним в палату прямо из Оханска, вернее из летнего лагеря в Подскопино, где отдыхали ребята детского дома. Каждое утро звуки пионерского горна с ласковыми лучами солнца будили девчонок и мальчишек. Зарядка, завтрак, линейка на площадке с красным флагом. И начиналось соревнование пионерских отрядов: кто больше наберет земляники, кто – лекарственных трав, кто – грибов. Потом игры, походы, а вечером – пионерский костер с песнями, с интересными рассказами. Нередко гостями у ребят были участники гражданской войны. Лето в лагере было незабываемой порой в жизни детского дома. Возвращались домой загоревшими, хорошо отдохнувшими, и с гордостью везли с собой банки варенья из земляники, малины, сушеные грибы... Вера не замечала, как слезы, одна за другой, катились по ее щекам.

- Э, так не годится!

Девочка вздрогнула. Она не заметила, как в палату вошел врач. Он присел к ее койке, внимательно осмотрел ногу:

- Давай, Верочка, к новой операции готовиться. Согласна?

Согласна ли она была? Но как же было иначе? Боли в ноге ослабевали только после очередного укола, да и то ненадолго. Девочек, лежавших в палате, ругали за то, что они шевелятся, заставляли их лежать неподвижно. Вере этого говорить было не надо. Любое движение, даже, казалось, прикосновение простыни, причиняло сильную боль. И она готова была лежать не шелохнувшись, только бы не было этой боли в ноге.

Нога у Веры побаливала давно. Совсем еще маленькой она упала на гвоздь. Ни к кому не обращалась. Ранка в конце концов зажила. Но нога с тех пор стала беспокоить. И чем старше становилась Вера, тем хуже было с ногой. Девочка хромала, на ноге часто открывались свищи.

Воспитательница К.В.Костромина забеспокоилась всерьез за свою воспитанницу. «Начинается туберкулез кости,- сказали врачи.- Нужно ехать в санаторий»... В то время это считалось мечтой. Но Клавдия Владимировна решила не отступать:

- Вера, раз здесь ничего не выходит, напиши Надежде Константиновне Крупской, расскажи ей о своей беде. Вон как она заботится, говорят, о детях. Может, и тебе чем поможет.

И полетело письмо из Оханского детского дома в Москву. Вера не верила, что его прочтает сама Крупская. Но она прочла письмо оханской девочки и помогла. Вскоре Вера по путевке уехала в санаторий в Свердловск.

Приказ по детскому дому №3: «На основании распоряжения облоно направить в Свердловск на специальное лечение воспитанницу Веру Шторц. Заведующей интернатом К.В.Костроминой лично проследить отправку больной на автомашине до Перми. Командировать для сопровождения девочки воспитательницу Т.И.Копытову, обязав ее подробно объяснить в облоно и облздравотделе о болезни Веры Шторц и добиться помещения ее в специальную лечебницу. Учитывая

На снимке: во втором ряду четвертая слева Вера Шторц, в верхнем ряду первый – Костя Еланцев, в первом ряду – Надя Калашникова, Саша Ходырев, Катя Туманова.

особо болезненное состояние воспитанницы, в помощь Копытовой откомандировать для сопровождения Веры Шторц бригадира по хозяйственной части М.П. Севастьянихина». Подписывает приказ П.Быков.

...Да, она согласна была на очередную операцию, уже третью по счету, чтобы вновь встать на ноги, чтобы скорее возвратиться в свой родной детский дом.

И она возвратилась. Снова вместе со всеми ходила в школу. Только прихрамывала – сказывались неоднократные операции.

*

*

*

В декабре 1938 года возвратился из рядов РККА Павел Иванович Кондрашов и пришел вновь к другу и коллеге Павлу Петровичу Быкову, чтобы по-прежнему работать вместе, но теперь уже не в детгородке, а в третьем детском доме. Назначен он был на ту же должность: заместителем директора по воспитательной работе. Одновременно на него возложено руководство военной работой в интернатах.

И еще одним событием был ознаменован этот год: некоторых детей, немцев по национальности, собирали и отправляли во Франкский, как свидетельствуют документы, детский дом, или

иначе – в детский дом немцев Поволжья. Что это значило? Или им хотели сделать лучше: например, чтобы не забыли родной язык? Или это было предвестником депортации немцев Поволжья, произошедшей в годы Отечественной войны? Хотелось бы предполагать лучшее, но почему тогда через некоторое время собирали по детдомам детей Западной Украины и вывозили их куда-то в другой детский дом? Как детей бандеровцев. Не с решетками ли был этот детский дом?.. У истории еще много белых пятен, особенно в части детей, которые попали вместе со взрослыми в водоворот репрессий. Без вины виноватые... Из Оханска в детдом немцев Поволжья были отправлены брат и сестра Артур и Ида Вебер. Артур воспитывался в Шалашинском детском доме, Ида – в

На снимке:
П.И.Кондрашов, П.П.Быков

третьем детском доме. Привезли их в 1937-м. Ида находилась в группе с Таней Писаревской. Как вспоминает Татьяна Ивановна, это была симпатичная белокурая девочка. Ей было лет двенадцать, когда ее вместе с братом увезли. От Иды пришло всего лишь одно письмо, а точнее фотокарточка. Больше вестей от этой девочки не было.

* * *

В первые же месяцы нового 1939 года, среди массы важных дел, был поставлен вопрос о бережном отношении к книге. По этому поводу директор издает приказ, отмечая в нем, что в интернатах детского дома «замечается безобразное отношение к книгам со стороны воспитанников. Книги сдают в библиотеку измазанными, измятыми, а подчас изорванными». «Предупреждаю заведующих интернатами о необходимости обсудить этот вопрос на общих детских собраниях и на совещаниях педагогических коллективов, потребовав ответственное отношение к этому вопросу воспитателей и бережное отношение к книге со стороны детей», - гласил приказ.

Хотелось бы особо отметить, что при руководстве коллективом сотрудников, как детского городка, так и третьего детского дома, Павел Петрович всегда безоговорочно пресекал грубое, жестокое отношение к детям. Такие люди, будь то няня, уборщица и тем более – воспитатель, подвергались сначала предупреждению, а затем, если негативные случаи повторялись, - увольнению.

* * *

Жизнь третьего детского дома текла своим чередом. Ребята учились, занимались пионерскими делами, а вечером бежали на подсобное хозяйство, в огород или сад. Сад этот Вера Шторц очень любила. Ей хорошо запомнился день, когда его закладывали. За город вышли все воспитанники детских домов, еще входящих тогда в состав детского городка. И, несмотря на то, что небо хмурилось, у ребят было праздничное настроение. Сажали тонкие прутики смородины, малины, яблонь. А через год из этих саженцев образовались кустики, потянулись к солнцу маленькие яблони, и в мае на них зарозовели первые бутоны. Ребята обрабатывали свой сад, в засушливую погоду – поливали. И теперь Вера вместе со всеми собирала богатый урожай. Смородину носили ведрами, немало было и малины. К обеденному столу появилось вкусное дополнение – яблочный кисель. А к празднику Октября ребятам испекли пироги из яблок, собранных в своем саду.

Большое пополнение в меню детского дома вносило подсобное хозяй-

ство. Мясо, молоко, яйца – все это было свое. А воспитанники умели доить коров, ухаживать за свиньями, разводить кур. Конечно, все это делалось под руководством взрослых.

- А знаете, как мы интересно живем?- заявляли при встречах со сверстниками ребята третьего детского дома и рассказывали о своих швейных мастерских, где девочки учились шить, о токарных станках, которые привезли им аж из Ленинграда, и мальчики с инструктором А.В.Липским изготавливали на них нужные местному населению изделия, о столярной мастерской, где под руководством Е.Д.Усталова делали неплохую мебель: шкафы, буфеты. Рассказывали и об отдыхе.

Вера Шторц очень любила концерты художественной самодеятельности, которые ставили ребята. В них всегда хорошо пела Таня Писаревская. У нее был красивый, сильный голос. А драматический кружок готовил пьесы. Руководил им тогда увлеченный своим делом педагог по фамилии Горн. Главные роли нередко исполнял воспитанник Володя Смородинский, у мальчика были явно артистические способности. На коцерты приходил не только весь коллектив детского дома, но и жители Оханска.

А еще Вера очень любила вышивать. Она ходила на кружок, но многому ее учила в рукоделии ее воспитательница К.В.Костромина. Она же, между делом, показывала девочке, как правильно и хорошо шить, обучала вязанию. Вера старательно училась в школе. Но болезнь, если и отступала, то ненадолго. Нога болела. Вера ходила на костылях, и однажды, заторопившись за ребятами, оступилась и упала, повредив больную ногу.

Снова санаторий в Свердловске, снова прикована к койке на долгие месяцы. И снова операции, так как других методов лечения тогда еще не было, как не было и противовоспалительных средств, антибиотиков.

Светом в те тяжелые для Веры дни были добрые люди, которые окружали ее: врачи, медсестры.

- Девчата, хотите, я вам дождик сделаю?- сказал вошедший в палату врач. И вместе с каплями, которые веселыми брызгами разлетелись из маленькой лейки, которую он держал в руках, этот импровизированный дождик внес в душный жаркий день бодрость и надежду на что-то лучшее. Вера, стараясь поймать рукой радужные капельки, смеялась вместе со всеми, забыв на минуту о своей беде.

Однажды к ним в палату вошел незнакомый человек. Он осмотрел все, побеседовал с медперсоналом. Вера старалась вспомнить: где же она

видела его? Он заметил ее пристальный взгляд, подошел:

- А мы с тобой встречались, девочка.

И Вера узнала. В памяти промелькнули события, которые она старалась забыть: смерть девочки, съевшей ядовитый гриб, приезд комиссии. Расследуют, расспрашивают ребят и обещают, что скоро они все будут жить хорошо, будут учиться. Да, да, это он тогда возглавлял комиссию, после работы которой Тувимский детдом был расформирован, и Вера попала в Оханск.

- Ну, и как в Оханске живется?

- Хорошо, очень хорошо,- Вера стала рассказывать о своей жизни, учебе. Ей краснеть не приходилось ни за себя, ни за других, тех, кто приехал тогда с ней. Эти ребята, познавшие и горе, и голод, тянулись к добру. Они со временем не только сравнялись со «старенькими», но и обогнали их в учебе, став активистами в общественной, пионерской работе.

- Ой, что же это я говорю и говорю,- Вера оборвала себя. – А Вы кто?

- Я – секретарь Свердловского обкома. Очень рад за вас. Рад, что вы учитесь, можно сказать теперь, почти встали на ноги. А помните, тогда ведь вы не верили мне,- улыбнулся он.

На другой день в палату принесли корзины цветов. «Это из обкома прислали»,- сказали девочкам. «Вот как много людей – и каких! – заботятся о нас,- с благодарностью думала Вера, любуясь цветами.

Май 1939 года был щедрым на тепло. В тот день в открытое окно палаты заглядывала распутившаяся черемуха. Чистое, голубое небо, пьянящий свежестью весенний воздух, аромат черемухи – все это сулило надежду. Но только не Вере. Наоборот, ликование природы болью отзывалось в ее сердце. Она так хотела жить, как все. Как все – любить.

- Вера, Верочка, не плачь! Ну, если ты не согласна, мы не будем,- пытались утешить ее врачи.

Нет, она была согласна. Она знала: иного выхода нет. Сделано уже более десяти операций. Нужно отрезать ногу. Но если накануне она могла это сказать, то утром, когда уже шла подготовка к операции, она не могла говорить, слезы душили ее. В тот май ей было 16 лет...

* * *

Когда сознание с трудом пробилось сквозь наркоз, она лежала уже снова в палате. Было очень тяжело. Силы слишком медленно возвращались в ее измученное болезнью тело. Но как бы то ни было, надо было снова начинать жизнь, другую, а какую – Вера Шторц еще не знала.

Глава 9

Из родного гнезда

22 мая 1939 года П.П.Быков пишет приказ: «На основании распоряжения заведующего Пермским облоно от 13.05.1939г. проведена передача дел и обязанностей вновь назначенному на должность директора т. Кондрашову П.И. В обязанность директора Оханского детского дома №3 вступил с сего числа Павел Иванович Кондрашов. Все материальные ценности, круглая каучуковая печать детского дома, обязанность директора и административные полномочия переданы мной т. Кондрашову». И больше ни строчки. Павел Петрович скромно умалчивает причину своего ухода, а точнее – отъезда с оханской земли. Он идет на повышение. Его переводят в облоно. Как директора одного из лучших, а, может быть, самого лучшего в области детского городка и затем детского дома. Грустно, наверное, было расставаться с ним коллективу. Руководители, заведующие интернатов оханских детских домов с ним еще встретятся, когда приедут по делам в областной отдел народного образования. Но в Оханске его уже не будет. Директора на белом коне, очень много сделавшего для сотен и сотен детей-сирот, а также для тех, кто работал рядом с ним.

Милентина Павловна Быкова, его жена, тоже получает место в облоно, в секторе по работе с детскими домами области. Впоследствии ее коллеги по работе в оханских детских домах отмечали, что она, педагог с большим стажем, всегда сильнее была как администратор, а не как воспитатель. Многие годы в Оханском детгородке Милентина Павловна работала именно заведующей детскими домами.

В то время (1939 год) коллектив воспитателей детского дома №3 был, примерно, та-

П.П.Быков и М.П.Быкова

ким, каким сформировался со дня организации этого учреждения. В числе других сотрудников старшим бухгалтером работал В.А.Овчинников, заведующим швейными мастерскими - Д.С.Костин, заведующим сапожной мастерской – П.Г.Рудометов. Быкова и Кондрашова связывали не только учебно-воспитательные дела, но между ними, вероятно, были и дружеские отношения. Оба в Оханск были направлены в свое время Свердловским облоно. Оба начали свою взрослую биографию с военных. Сближало их, наверное, и близость убеждений, принципов.

Временно исполняющей обязанности заместителя директора по воспитательной части назначена Евдокия Павловна Старкова. Ей же вменено в обязанности руководство летне-оздоровительной кампанией и детским активом.

Как уже принято, летом старшие воспитанники, будущие выпускники работают в детском доме, замещая ушедших в отпуск штатных сотрудников. Так, библиотекарем доверено быть летом 1939-го Николаю Ясько. Он выпускник, в июле, когда ему нужно будет ехать дальше на учебу, его сменит воспитанница Вера Галькевич. Библиотека – дело серьезное, для работы здесь надо было иметь запас знаний, и главное – знать и любить книгу.

Воспитанницу Марию Жданову, окончившую пять классов, назначают временно практиканткой на воспитательскую работу. При этом Е.П.Старкова обязана оказывать ей практическую помощь в работе. В четвертый интернат назначен временно воспитателем Всеволод Костромин, сын Клавдии Владимировны Костроминой (летом, как видим, есть возможность подработать, тем более, ему, как и бывшим воспитанникам, близка жизнь детского дома). Здесь он жил, как себя помнит. Правда, жил всегда с мамой и сестренкой, в комнатке при интернате, но рос, играл, занимался уроками, дружил с ребятами детского дома, это была семья Клавдии Владимировны, это была и его семья. В 1940 году он поступит в военное училище. Воспитателями летом работают также Мария Лощановская, Мария Ермоленко. В должности медсестры в пионерском лагере детского дома работает будущий фармацевт Лена Шокальская. Это уже не первое ее взрослое трудовое лето. В 1940-м она в последний раз приедет, как студентка фармацевтического училища, на каникулы в родной детский дом и поработает воспитателем.

Приходят в детдом и мужчины. Принят воспитателем Николай Григорьевич Серков, имеющий педагогическое образование. Через год он, по рекомендации райкома ВКП(б), будет назначен заместителем директора

по воспитательной работе. А пока с этим местом не везет. На основании направления Пермского облоно назначен на должность заместителя директора по воспитательной работе Константин Анатольевич Климов. Но по каким-то причинам последний работает недолго, в декабре на эту должность – новая кандидатура: Любовь Михайловна Аликина, и тоже ненадолго. Заведующим учебной частью работает Д.А.Подаров.

Воспитателей, у которых в группах, в интернатах дети имеют хорошую успеваемость, приказом директора премируют денежными премиями и путевками в дом отдыха: К.В.Костромину, Е.П.Старкову, Е.Е.Ширинкину, Ф.П.Загребаеву, З.Ф.Майских и руководителя духового оркестра Т.А.Преловского.

Детский дом заключает договор с Соликамским калийным комбинатом и с заводом «Вольт» (ст. Баранчинская) на трудоустройство воспитанников.

Ближится осень, идет укомплектование штата детского дома на предстоящий учебный год. Принята воспитателем Лидия Григорьевна Силина, на нее возложено руководство библиотекой, она же ведет фотокружок (эта женщина-фотограф была хорошо известна в то время в Оханске).

Духовой оркестр детского дома №3 в 1940 году.

Материальные ценности библиотеки до нее были на секретаре управления детдома В.М.Осиповой. Но работает Силина недолго, в мае 1940-го она подает на увольнение, и библиотеку принимает Анна Львовна Овчинникова. Через год библиотеку опять передают – А.В.Нохриной. Одновременно ей поручено вести воспитательную работу во втором классе, по два дня в неделю, заменяя основных воспитателей на выходные дни.

В честь 22-й годовщины Октябрьской революции 21 сотрудник детского дома получает премии: кому выдан отрез на юбку, кому – путевка в дом отдыха, кому – поросенок.

1940-й, предвоенный, начинается с того, что директор П.И.Кондрашов, на основании повестки военкомата, выбывает на военные сборы, оставляя за себя человека, которому доверяет, – Е.П.Старкову. Впоследствии он при отъездах тоже будет оставлять за себя, то есть исполняющим обязанности директора, или Е.П.Старкову (с 1941 года она стала Загребавевой), или К.В.Костромину. Невольно возникает вопрос: своим официальным замам не доверяет?

На Пашийский завод уезжает группа выпускников детского дома, среди них Муза Никулина, Дуся Дорошенко, Лида Романова, Петр Табуев, Вася Королев, Вова Сурнин, Аркадий Голубев, Тамара Кондакова, Вася Кожин, Федя Нестеренко, Вера Верховланцева, Коля Москалев, Августа Гофман, Ваня Гладков. Все после семилетки. Всем выдается на проезд до завода 390 рублей и на питание во время пути на три дня. Другая группа ребят едет в Чистополь на судоремонтный завод. Среди них Витя Чернышев, Коля Никулин, Павел Демин, Вася Кузнецов, Коля Воробьев, Петя Петренко, Семен Кузнецов, всего 20 человек. На предприятия Ивановской области едут Юрий Орлов, Лиза Казанцева, Ольга Ермоленко, Маша Чернышева, Таня Писаревская, Рая Давиденко, Маша Оханина, Лена Мартемьянова, Ольга Воложанина, Саша Булгак, Валя Карекова, Маша Черненко, Тоня Костарева. Валя Харкевич становится студенткой Пермского пединститута. Петр Снитко поступает в МАТУ. Коля Еланцев и Леня Чекалов – в Молотовский железнодорожный техникум, Дуся Зеленина – в медицинский техникум, Даша Замяткина – в Кировскую фельдшерско-акушерскую школу, Саша Меркушев и Федор Лященко – в Архангельский морской техникум и так далее, всего в тот год поступили учиться дальше 22 воспитанника детского дома №3.

Летом этого года, пока В.М.Осипова, секретарь управления, в отпуске,

замещает ее Аркадий Шокальский, окончивший девять классов. За этот период в книге приказов записи сделаны его рукой – четко, грамотно.

Постоянно на хорошем счету интернат №2, где заведующей работает К.В.Костромина. Так и в 1940 году Клавдии Владимировне и воспитательнице Анне Михайловне Силиной выделяется денежная премия.

Руководство детского дома, лично его директор уделяют большое внимание яблоневому саду. В штате детдома работает садовник И.А.Бурылов. По вопросам садоводства он ездит в командировки в Пермь и село Павлово. За каждой яблонькой закреплены воспитанники. Есть там и сторож Михаил Карпович Сапегин. Впоследствии, когда на войну уходят практически все мужчины трудоспособного возраста, он выполняет в детдоме обязанности и сторожа, и конюха, и садовника. А вообще-то это был очень большой человек. Весной 1944 года его вывели на инвалидность, а летом он умер, оставив пятерых детей, четверо из которых были малолетками. Трех из них, так как мать не могла одна прокормить такую семью, поместили в детский дом.

Председатель месткома профсоюза в детском доме – В.И.Тетерин. Он давно, начиная еще с детского городка, работает инструктором по труду, в частности, инструктором по слесарному делу. Вероятно, пользуется авторитетом в коллективе. Кстати, в октябре 1940 года, по вызову Главного управления РККА, Тетерин едет в Москву за получением ордена. К сожалению, в приказах по детскому дому не упоминается, каким и за какие заслуги перед Родиной награжден он орденом. Можно только предполагать, что правительственная награда шла по военной линии.

Наступает 1941 год. Детский дом пока живет своими повседневными делами. Так, к 3 мая в помещении библиотеки готовится выставка стенных газет за текущий учебный год. Предварительно проходит по интернатам их смотр. С этой целью назначена комиссия, причем очень даже представительная. В ее состав входят завуч детского дома Д.А.Подаров, старшая вожатая Сурина, председатель детского совета Ваня Примук и редактор районной газеты «Колхозник» Е.Уфимцева.

Летом, как обычно, старшие воспитанники работают: Тоня Марфуткина, Нина Жданова, Зина Кучеренко, Рая Сартакова становятся воспитателями, а Нина Мацанова принимает библиотеку. Аркадий Шокальский, окончивший десять классов и готовящийся поступать учиться дальше, временно работает в кинотеатре.

Глава 9

Перемка. Директор Калашникова

Директором дошкольного детского дома №5 на Перемке (или, как он шел по документам, - Таборского) была назначена Валентина Ивановна Калашникова.

- Будете жить там, как помещики! – старались шуткой успокоить педагога коллеги.

Она, конечно же, волновалась. Хотя опыт работы в детских домах был уже большой. В начале двадцатых годов губернским отделом народного образования ее направили работать воспитателем (с расчетом на дошкольников) в Оханский детский городок. И опыт работы руководителем тоже был. Заведовала детскими домами, входящими в состав детского городка. Так что самостоятельная работа ее не пугала. Но у нее была семья. Если старшие трое детей особо уже не нуждались в маминой опеке (дочь заканчивала десятый класс в Оханске, сын поступил в педучилище, второй после семилетки тоже собирался в училище), то младшая только окончила четвертый класс. От Перемки до школы – три километра, да обратно идти три. Не тяжело ли будет по шесть километров в день ходить 11-летней девочке, причем одной? У мужа в Оханске работа – он заведовал книжным магазином. А чем он будет заниматься там? Словом, вопросов было немало, но Валентина Ивановна дала согласие. Она ведь столько лет занималась с дошколятами, как ей было оставлять их теперь! Таких незащищенных в этом мире, повернувшимся к ним своей жестокой стороной. Им бы еще у мамочки на руках сидеть, а они уже хлебнули сиротской доли.

В.И.Калашникова

...Когда началась Октябрьская революция, Валентина Ивановна, или тогда просто Валя, училась в Пермской гимназии, закончила пятый класс. Время требовало решительных действий, и она поступает на курсы дошкольных работников при университете. После их окончания ее и направляют в Оханск. Девушке нет и двадцати, но характер у нее решительный. «Раз я там нужна – значит надо ехать», - решает она. Какие это были дети, к которым она пришла! Их привозили грязных, больных, истощенных. Их находили возле убитых родителей, их подбирали в селениях, где после разгрома, стрельбы они чудом уцелели. Многие из

На снимке: слева направо в первом ряду – Р.А.Каспирович, В.И.Калашникова, А.И.Негашева, во втором ряду – Е.П.Столбова, Н.А.Журавлева.

них даже не могли плакать... Выросшая в благополучной семье (отец был приказчиком, мать – домохозяйкой), она столкнулась с работой, которой нужно было отдавать не только время, силы, но и сердце. Вшивость, чесотка, пиодермия... Да она никогда раньше об этом и не слыхала! Впору было убежать в Пермь, к родителям, к какой-то чистой и спокойной работе. Но она не убежала. Она осталась. Чтобы помочь этим детям, чтобы обогреть их теплом своей души.

В Оханске познакомилась со своим будущим мужем. После женитьбы они поселились в доме его родителей. Ей нравился этот дом. Деревянный, двухэтажный, он находился напротив городского стадиона, места, где по праздникам собирались люди, где проходили митинги, демонстрации, народные гуляния. На верхнем этаже, где жила молодая семья, был маленький уютный балкончик, на котором они все вместе любили пить чай в часы отдыха...

В 1939 году она все это оставила и переехала на Перемку. Там раньше был расположен дом отдыха. После него остались деревянные корпуса, куда и поселили детей. В своем отчете за 1939 год районному отделу народного образования Валентина Ивановна писала: «Сотрудники и дети приехали в неблагоустроенные помещения. Нужен был капитальный ремонт, и эта работа была проведена при большой напористости всего коллектива. В детском доме находится 125 детей в возрасте от трех до семи лет».

А в двухэтажном доме администрации разместили сотрудников. У семьи Калашниковых было две комнаты. Муж Валентины Ивановны, Александр Андреевич, поехал вместе с женой. Стал работать кладовщиком в детском доме и заведовать красным уголком. Вообще он был очень одаренный человек. И музыкант, и артист, и все – самоучка.

С младшей дочкой было посложнее. Надя (или как ее ласково все звали Тата) росла болезненной. Ходить в Таборскую школу пешком ей было трудно. И на год, пока не подросла, ее пришлось устроить в третий детский дом.

- Валентина Ивановна, у нас воспитанники сами все делают: и по столовой дежурят, и полы моют. А еще над младшими шефствуем, и там полы моем,- сказала заведующая детдомом К.В.Костромина. – А как Ваша дочка?

- Никаких поблажек ей не делайте. Как все, так пусть и она,- сказала Калашникова.

- В детском доме было очень хорошо,- вспоминает Надежда Александровна Калашникова, педагог по образованию, всю трудовую жизнь проработавшая учителем иностранного языка. - Кормили, например, даже лучше, чем у нас получалось в семье. И постельное белье хорошее, всегда чистое, и пододеяльники даже, чего в семьях еще не было. Одевали каждого индивидуально. Но дома все равно было лучше. И когда я подросла, окрепла летом на ягодах, свежем, пропитанном смолистым запахом воздухе Перемки, мама взяла меня к себе. Природа там была замечательная. Кругом лес-сосняк. Речка, хоть и мелкая, но очень чистая. Земляника росла совсем близко, так, что ее собирать можно было ходить с дошколятами. Кусты черемухи весной благоухали. И ромашковые поляны притягивали к себе своей красотой. Это был удивительно прекрасный уголок природы.

И там было как раз жить маленьким детям, ослабленным, рахитичным, с неустойчивой нервной системой. Они оживали, они там учились вновь смеяться и играть. Валентина Ивановна любила всех детей, но особенно – самых маленьких. А директором была строгим. Спрос с воспитателей, с любого сотрудника детского дома был по

**Слева направо: Т.Я.Годунова (Вотинова),
З.В.Власова, Н.М.Калашникова, начало 50-х.**

большому счету. «Нам бы такого председателя колхоза!»- говорили сельские жители. А иначе она не могла, потому что и свои обязанности выполняла с большой мерой ответственности. Тем не менее своего директора уважали и любили в коллективе. За справедливость требований, за понимание, за тактичность. Валентина Ивановна никогда себе не позволяла повысить голос. А если кто провинился – не ругала при всех. Коллектив на Перемке сложился дружный. Жили как одна семья. И молодым воспитателям Калашникова сумела передать свой опыт, научила их понимать маленькую душу ребенка. Те, кто работал с ней, стали впоследствии сами хорошими воспитателями, высококвалифицированными дошкольными работниками, руководителями дошкольных учреждений. А ребяташки, выпущенные в школьные детские дома, всегда имели отличную подготовку. Директору в Перемку шли благодарственные письма за хорошее воспитание детей. Благодарны ей были и молодые воспитатели, кто начал свой педагогический стаж именно здесь, на Перемке.

«Я пришла к Вам девочкой,- пишет Мария Павловна Вотинова своему бывшему директору Калашниковой.- Мне было всего 16 лет. За это время, благодаря Вашему чуткому руководству и вниманию, я смогла приобрести специальность, благодаря Вам я лучше смогла устроить жизнь и работу. Каждый вопрос дошкольного воспитания невольно заставляет вспоминать наши прошлые педсоветы, шумный, подвижный, веселый и дружный коллектив воспитателей».

- Мама вся отдавалась работе,- рассказывала дочь.- И на нас, родных детей, у нее оставалось мало времени. Порой мы, уже повзрослев, подшучивали: загорись в одно время наш дом и детский дом – куда побежит мама? Конечно же, в детский дом! Но мы понимали маму и гордились ею.

Кстати, трое из четверых детей Валентины Ивановны стали тоже педагогами, а Тата (Надежда Александровна) перед поступлением в вуз год работала воспитателем у малышей под руководством своей строгой мамы.

В 1952 году на Перемку по на-

А.Н.Власова, начало 50-х.

правлению облоно приехали три совсем молоденьких девушки: Тамара Годунова, Зоя Власова и Нина Калашникова, окончившие дошкольное педучилище в Перми. Чуть позже приехала Аня Власова, тоже после окончания педучилища. Привыкшие к городу, они сначала с трудом воспринимали деревенскую жизнь. Но забота о вверенных им детях занимала так много времени, что думать о чем-то другом, тосковать о городской жизни не оставалось сил и желаний. Да и молодость брала свое.

- Мы прошли хорошую школу у Валентины Ивановны,- вспоминает Тамара Яковлевна Вотинова (Годунова).- Но она была очень строгий руководитель. Помню, вышли мы с детьми на поляну. Дети рассматривают жучков, цветочки, а мы, девчонки, уселись возле и стали смотреть взятые с собой журналы. Вдруг появилась Валентина Ивановна и забрала у нас эти журналы. Находишься с детьми – занимайся именно с ними! С трудом мы потом эти журналы выпросили у нее, чтобы сдать в библиотеку. Или другой пример. В Оханске проводили семинар. Послали меня. Но чтобы попасть на него, мне предстояло идти по льду Камы в город. Начался сильный ветер, завьюжило, и я не пошла. Директор мне вынесла выговор. А попробуй-ка без планов придти на занятия?! Кстати, строго нашу работу проверяло и районо. Помню, приехала инспектор районного отдела образования Екатерина Георгиевна Рудакова и неделю жила на Перемке, посещала занятия с детьми, собирала наши планы, потом вместе с нами разбирала их, отмечая недостатки.

Много лет прошло с тех пор, но Тамара Яковлевна хорошо помнит эти первые десять лет работы в детском доме. Это же были лучшие годы юности, молодости! Помнит деревянные корпуса Перемки, некрашенные полы, стены, которые мыли с дресвой; помнит простые, срубленные бани, где няни мыли детей, а они, воспитатели, принимали их, укутывая зимой покрепче, чтобы довести до интерната. Помнит, как чинили своим дошколятам сами белье. Но хотелось ведь и погулять, познакомиться с кем-нибудь. Приходили пареньки из близлежащих деревень. Воспитатели жили в двухэтажном здании на первом этаже, а семья директора – на втором. Приводить гостей мужского пола запрещалось. Но вечерами парни все равно приходили к девочкам. Сидят за столом, разговаривают, а как услышат, что сверху спускается Валентина Ивановна, парни залезали под стол, на котором была скатерть почти что до полу.

Когда Тамара Яковлевна вышла замуж, они с мужем стали жить в Таборах. Ходить на смены на Перемку приходилось по прямешке километра два. Но дорога шла через лес. Зимой ее заметало, да и темно было ходить как утром, так и вечером. Первая смена начиналась в восемь

утра, а заканчивалась – в два часа дня. Вторая была с двух дня до восьми вечера. Так что зимой, осенью Тамара ходила, беря в руки керосиновый фонарь. Но трудности были не только в этом. В молодой семье появились дети. С кем было оставлять малышей? Так в 1963 году Вотиновы переехали в Острожку, где Тамара Яковлевна работала в детских садах воспитателем, всего ее педагогический стаж 45 лет, из них 17,5 – заведующей детсадом «Светлячок», который был одним из лучших в районе. Тамара Яковлевна пользовалась большим уважением у коллег, у родителей, ее любили дети, которых так много прошло через ее руки, сердце. Но никогда не забудутся те, первые ее воспитанники. Они в начале 50-х годов поступали, в основном, из дома ребенка, который располагался на берегу Камы в Таборах. Там они находились до трехлетнего возраста. А принимал их дом ребенка совсем младенцами. Часть из них родились в тюрьме, у репрессированных родителей, и были отняты от них. Но родители знали, где они находятся, и посылали в Перемку письма, посылки. В посылках были связанные варежки, носочки, какие-то немудреные сладости. Воспитатели при детях открывали эти посылки, отдавали их содержимое малышам, а сами обязательно отвечали матерям. Кто-то, оставшись в живых, наверное, встретился со

Воспитатели и дети детдома на Перемке; слева направо стоят сзади: вторая-Н.М.Калашникова, Т.Я. Годунова (Вотинова), М.П.Вотинова; 50-е годы.

своими детьми. Но многие остались сиротами. С Перемки их направляли в школьные детские дома.

За первые десять лет существования Таборского дошкольного детского дома было выпущено 603 ребенка, которые были направлены в детские дома Кунгура, Очера, Оханска, Юго-Осокина.

А те девушки, которые приехали вместе с Тамарой Яковлевной, стали

тоже опытными воспитателями. Зоя Васильевна Власова живет в Волгоградской области, Нина Михайловна Калашникова впоследствии уехала в Пермь. Анна Николаевна Власова – на Украину. Из более старшего поколения большой опыт воспитательной работы в коллективе Таборского детского дома имела Мария Павловна Вотинова. Во время Отечественной войны она уходила на фронт, потом вновь вернулась в родной коллектив. Мария

А.А.Шокальская (справа) и медсестра изолятора Аня.

Егоровна Шилова после Перемки возглавила детский сад в Таборах и долгое время успешно работала в этой должности.

С военной поры работала в дошкольном детском доме Антонина Шокальская (впоследствии – Щукина), о ней – в следующей главе.

В Таборском дошкольном детском доме В.И.Калашникова, отличник народного просвещения, работала до 1958 года. Все военные годы Перемка принимала детей войны. И вновь руки воспитателей по-матерински прижимали к своему сердцу плачущего, кричащего от ночных страхов малыша. А когда заканчивалась очередная смена, бежали не отдыхать, а работать на огороде, который, по инициативе директора, садили ежегодно возле детского дома, чтобы у детей всегда были свежие овощи... Может быть, Валентина Ивановна работала бы еще, ее пенсионному стажу шел всего лишь второй год, но после смерти мужа стало тоскливо одной. Уговаривали долго. Но она уехала к дочери. «Директором была, а так ничего и не нажила!» – сказал с изумлением шофер, перевозивший ее в другой город. Невдомек было чужому человеку, что богатство ее было в другом: ее любовь к детям-сиротам сторицей возвращалась к ней в глубокой благодарности ее бывших воспитанников. Умерла В. И.Калашникова в 1992 году.

После ухода Валентины Ивановны на пенсию дошкольный детский дом на Перемке приняла Анна Михайловна Смышляева. Как отмечают современники, она большое внимание обращала на материальную часть, заботясь, чтобы у детей были, хорошие одежда, обувь, питание. Равных Калашниковой в том, как она руководила и вела воспитательно-образовательный процесс, не было на Перемке.